

МЕЖДУ ДЕРЕГУЛЯЦИЕЙ И ДИСКРИМИНАЦИЕЙ

ДИЛЕММА НЕМЕЦКОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ОБРАЩЕНИИ С ИММИГРАЦИЕЙ¹

Для современных социальных государств нежелательная иммиграция во многих отношениях стала показательным феноменом. Она ставит разделенные территориально, выстроенные по национальному принципу общества перед проблемой, которая угрожает их способности к экономической и социальной интеграции. Игнорирование этой проблемы опасно, так как она способна нарушить стабильность и функциональность политических систем. Многочисленные примеры того, как различные государства пытаются решить эту проблему, показывают их ограниченную способность контролировать процессы глобальных социальных перемен, в том числе и миграционные процессы. На реконструируемой далее краткой истории безуспешной «борьбы» с миграцией в Германии с середины 1970-х годов мы можем рассмотреть дилемму, с которой сталкиваются современные социальные государства: неолиберальная идеология дерегуляции или неоконсервативная идеология социальной дискриминации.

Возможности политики реагировать на глобальные миграционные процессы весьма ограничены. *Во-первых*, она может игнорировать реальность миграции, поддерживая иллюзию ее управляемости при помощи таких идеологических средств, как конституция, формальное право, миграционный контроль или символическая политика. В Германии стратегия игнорирования миграции использовалась довольно длительное время. Несмотря на то, что статистически измеряемый прирост мигрантов наблюдался на протяжении всей истории Федеративной Республики Германии, до 1998 г. в управленческих, политических и правовых структурах настойчиво продолжалось описание Германии как государства немиграционного (*Nicht-Einwanderungsland*), и вплоть до 2002 г. не был ратифицирован иммиграционный закон.

Во-вторых, государство или объединение государств (например Европейский Союз) может прибегнуть к координированному административно-силовому ограничению миграции, направленному как вовнутрь страны, так и за пределы ее границ. Следование такой ограничительной стратегии ведет как к регулируемым и дифференцированным правовым статусам мигрантов², так и к строгому пограничному режиму и практикам выдворения «нелегальных» мигрантов. Однако стратегия ограничения миграции при помощи бюрократически-силового регулирования, отказа в убежище и правах входит в противоречии с самопониманием демократических обществ, политические системы которых базируются на признании прав человека, принципах равноправия и правовой защиты. Такая стратегия является, кроме того, полной противоположностью модной в современной Европе неолиберальной идеологии дерегуляции, которая опирается на идею о способности рыночных механизмов решать социальные проблемы, в том числе и проблему миграции, без вмешательства государства. Неолиберализм рассматривает бюрократическое регулирование как устаревшую модель политического управления. Очевидная безуспешность и идеологическое старение рестриктивного миграционного режима, требующего введения все новых и новых ограничений, все большего контроля и бюрократизации, не приводят, однако, к его принципиальному пересмотру, в Европе он продолжает сохраняться.

В-третьих, вместо того чтобы бороться с последствиями рестриктивной миграционной политики в городских гетто, государство должно было бы признать неизбежность миграции и регулировать ее открыто, согласовывая особенности миграционных процессов с собственными целями и ценностями. Миграция осознавалась бы властью как неизбежный признак интернационализации рынков, а ее административное регулирование понималось бы как одна из многих политических сфер глобального и взаимосвязанного мира наравне с политикой рынка труда, строительства жилья, здравоохранения, воспитания и т.д. Символическое признание реальности могло быть выражено в законе об иммиграции. В открытых обществах прирост населения происходит не только посредством баланса рождаемости и смертности, но также неизбежно благодаря эмиграции и иммиграции. Только демографический реализм может быть назван умной и дальновидной политикой, «искусством возможного». То, что такая реалистическая миграционная политика до сих пор не утвердилась в Европе ни на национальном, ни на транснациональном уровнях, требует особого объяснения.

¹ Переработанный вариант *Entre discrimination et reconnaissance: Le dilemme de l'Etat social face aux migrants*, впервые опубликован в: Ida Simon-Barouh et Véronique de Rudder (Hg.): *Migrations internationales et relations interethniques. Recherche, politique et société*, L'Harmattan (France) 1998. S. 43-70.

² Виды на проживание, которые определяют доступ к политическим и социальным правам.

Миграция позволяет увидеть границы и противоречия структуры возможностей национальных государств, образовавшейся благодаря интернационализации рынка товаров и труда. Миграцию, возникшую на основании неравенства благосостояния Запада и Востока, Севера и Юга, невозможно ограничить при помощи контроля границ, процедур исключения, отказа в правах или благотворительных подачек, так же, как невозможно и запретить интернациональному капиталу принимать решения об инвестициях или денежных спекуляциях, которые грозят подорвать национальную экономику. Несмотря на малоэффективность государственного миграционного контроля, меры эти используются для легитимации политического бессилия. Преднамеренная драматизация проблем, поддержание иллюзий или подпитывание ожиданий большинства недалекими популистскими, ничем не оправданными обещаниями служат поддержке экстремизма отдельных частей населения.

В данном тексте на примере Германии исследован следующий вопрос: в чем заключается проблема миграции для современных государств благосостояния и почему она так долго приводила к самообману, а не к признанию и конструктивному решению связанных с миграцией проблем. После краткого обзора истории новейшей иммиграции в Германию определены теоретические подходы. С точки зрения системной теории, т.е. с использованием понятия «включение» (Inklusion) и, соответственно, государственной помощи по включению (Inklusionshilfe), и понятия «исключение» (Nicht-Inklusion), будут рассмотрены возможности и образцы включения (и исключения) мигрантов в политическую и экономическую системы. В заключительной части приводятся выводы о будущем государства благосостояния в условиях распадающихся национальных ограничений. В этой связи обсуждается значение «мультикультурализма» в преодолении противоречий, возникающих между политическими правами и социальными претензиями.

Краткий обзор новейшей иммиграции в Германию

Если верить статистическим данным, Федеративная Республика Германии уже со времени ее основания в 1949 г. является иммиграционной страной. Она принимала репатриированных с принадлежавших до 1945 г. немецкому Рейху территорий средней и восточной Европы (Vertriebene), беженцев (Flüchtlinge) из советской зоны Германии, а позже из ГДР, гастарбайтеров (Gastarbeiter), прежде всего из Средиземноморья, беженцев из стран третьего мира и, наконец, так называемых поздних переселенцев (Spätaussiedler) из Польши, Румынии и (бывшего) Советского Союза. «Приезжие» с разными правовыми статусами составляли до 1989 г. четверть, а по некоторым подсчетам и треть всего населения Западной Германии. В конце 1990-х гг. более 7,5 млн чел., живущих в ФРГ, являются «иностранцами» («Ausländer») и более 4 млн – «переселенцами» («Aussiedler»), что составляет 15 % от 82 млн жителей. При этом доля мигрантов колеблется в зависимости от региона. Например, во Франкфурте-на-Майне – регионе с высокой плотностью населения – доля иностранцев (жителей Германии с иностранным паспортом) составляет почти 30 % населения, среди школьников – почти 40 %; переселенцы же (мигранты из Восточной Европы и Советского Союза с немецким паспортом) концентрируются преимущественно в малых и средних городах. В 1990–1996 гг. в Германии обосновалось 2,5 млн чел. В это время как миграционная квота, так и абсолютное число мигрантов в Германии были самыми высокими не только по сравнению с индустриальными странами, но и в мировом масштабе.

Несмотря на благоприятные экономические обстоятельства (легендарное «экономическое чудо» послевоенной фазы восстановления Германии принесло стране почти тридцатилетний период абсолютной занятости), миграция, потребовавшая значительных усилий по интеграции, не считалась обычной составляющей социальной динамики. Такое отрицание миграции было возможно при помощи двух идеологических конструктов. Одна часть иммигрантов была безоговорочно названа «немцами», за другой был признан временный «статус гостя» («Gaststatus»). До окончания Холодной войны существовали, с одной стороны, идея о репатриации гонимых коммунизмом немцев и «беженцев» из Восточного блока и, с другой стороны, идея о функциональном, временном присутствии «иностранцев», чье пребывание на территории закончится вместе с исчезновением его причин – «контрактной работы» или необходимости в политическом убежище (Asyl). Так называемые переселенцы из ГДР и Восточного блока считались «своими», даже если их предки покинули Германию несколько поколений тому назад; другие же иммигранты были отнесены в категории «сезонные рабочие» (Wanderarbeiter), политические беженцы (Flüchtlinge) или ищущие убежища (Asylbewerber) и, согласно действующему правовому принципу происхождения (*ius sanguinis*), не могли «по-настоящему» принадлежать к союзу граждан Германии, даже если они уже в третьем поколении проживали на территории страны. Именно поэтому миграционная политика Германии не должна была, не могла и не имела права существовать.

В начале 1980-х гг. не замечать миграцию стало невозможно. Прекращение вербования иностранной рабочей силы в 1973 г. парадоксальным образом привело к резкому увеличению числа проживающего на территории Германии иностранного населения. Рабочим из стран, не принадлежавших Европейскому сообществу, прежде всего нанятым в Турции, Югославии и Северной Африке, была закрыта возможность

Включение и помощь по включению в современном социальном государстве

сезонной миграции. Вследствие этого они оставались в стране и перевозили туда свои семьи. Кроме системы занятости, в рамках которой была организована сезонная миграция рабочих, с переездом семей были затронуты и другие подсистемы общества, прежде всего сферы здравоохранения и образования. Так, между 1974 и 1980 годами почти в четыре раза, со 185 тыс. до 730 тыс., увеличилось число «иностранных школьников». Не только системы здравоохранения и образования, но и социальное государство в целом оказалось неподготовленным к решению новых, требующих больших финансовых вложений задач интеграции семей гастарбайтеров. Именно в это время в не признающем миграцию обществе Федеративной Республики Германии стали обсуждаться вопросы о (принудительной) «репатриации» и (добровольном) «возвращении», а также о «пределах допустимой нагрузки» на социальное государство и, наконец, о «пределе допустимой нагрузки на культуру». Присутствие «иностранцев», даже если они во втором или третьем поколении проживали в Германии, оформилось в ФРГ, особенно в предвыборных кампаниях, в излюбленную тему «засилия иностранцев». Политики реагировали на страхи и антипатию своих избирателей, тем самым разжигая их, делая обсуждение присутствия в стране «иностранцев» «салонной темой».

Фиктивность «статуса гостя» стала очевидной не позднее конца 1970-х гг. Сами иммигранты все меньше тешили себя иллюзией вернуться на родину³. В то же время для многих стало ясно, что, несмотря на растущую безработицу, важные сегменты рынка труда (грязная, тяжелая и сменная работа в индустрии и низкооплачиваемых сферах услуг) не смогут существовать без иностранной рабочей силы. Немецкие ведомства не могли более закрывать глаза на то, что пребывание иностранцев в стране, по выражению юристов, «закрепилось», стало экономически и демографически необходимым. Принудительная репатриация иностранцев не только была чревата негативными общеэкономическими последствиями, но и означала бы ломку индивидуальных и семейных социальных карьер, которую невозможно было оправдать морально, особенно перед государствами-партнерами в Европейском Союзе. Политика Федеративной Республики Германии оказалась в положении, когда уже невозможно было отрицать фактическую миграцию и необходимость работы с возникшими в связи с ней проблемами. В начале 1980-х гг. государство было вынуждено пересмотреть имеющиеся у него инструменты обхождения с миграцией. Всем европейским государствам известна «нежелательная миграция». Они справляются с возникающими вместе с ней проблемами на основе различного исторического опыта: например, колониальных обществ в Бельгии, Англии, Франции или Голландии, «запоздавшей», а теперь еще и «объединенной» нации в Германии, возрожденных, освобожденных (от колонизации) наций в Балтийских государствах или на Балканах. Можно найти и другие констелляции взаимоотношений между миграцией и государством. То есть современные национальные государства формулируют свою политику в рамках различных самопониманий и правовых традиций. Их политические и общественные институты, их социальные системы, политическая культура и т.д. подчас весьма различны. Но, несмотря на все различия, результаты политики ограничения миграции и этнического исключения *prima facie* одни и те же. Во всех европейских странах за последние десять лет число иностранцев/иммигрантов росло. Одновременно с этим росли враждебность к иностранцам и расизм. Во всех европейских странах иностранцы (*Ausländer*) и другие «приезжие» (*Zugewanderte*) дискриминированы и обделены: они работают задарма, чаще теряют рабочее место, арендуют втридорога старые квартиры, школы систематически превращают их детей в неудачников.

Хотя имеющийся в распоряжении политики инструментарий, а также правовое положение иммигрантов абсолютно различны, складывается впечатление, что страны – члены организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСД) на пороге XXI в. не нашли такого решения, которое восстановило бы равноправие и уменьшило экстремистские, расистские и неонацистские реакции со стороны большинства населения. Кроме того, нет никаких оснований утверждать, что следование различным стратегиям миграционной политики в государствах Европы привело к различным результатам в отношении социального положения мигрантов.

При подробном рассмотрении политики установления границ и исключения мигрантов становится очевидным, что именно логика государства благосостояния в значительной степени определяет и ограничивает возможности миграционной политики⁴. Государства благосостояния, возникшие в высокоразвитых индустриальных регионах в XX столетии, характеризуются «принципом компенсации» (*kompensatorisches Prinzip*), следуя которому государство компенсирует индивидуальные риски, характерные для капиталистического рыночного устройства⁵. Гарантируя права демократического участия

³ Хотя многие и оставляли в запасе вариант возвращения.

⁴ Далее я буду во многом опираться на монографию Михаэля Боммеса: **Bommers M.** Migration und Nationaler Wohlfahrtsstaat. Opladen, 1999.

⁵ Ср.: **Luhmann N.** Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat. München; Wien, 1981. S. 8.

и правовую защиту, такие государства выполняют принципиально открытую программу – самим активно заботиться о благосостоянии своих граждан. В принципе, *государственная забота* может распространяться на все сферы жизни граждан; она ограничивается на практике только наличием материальных ресурсов. Проблему нужно искать как раз в этой ничем не ограниченной ответственности государства за благосостояние своих граждан.

С точки зрения «ответственных» социальных государств, главной проблемой в обхождении с миграцией является вопрос о том, каковы быстрые и эффективные способы интеграции новоприбывших. В идеологии таких государств интеграция должна сделать мигрантов полезными, вносящими свой вклад в благополучие и функционирование общества; в худшем случае – обеспечить их «безвредность», самостоятельность и независимость от государственных социальных служб. Предполагается, что для отдельного индивида интеграция в общество – предпосылка социального существования, индивидуального благополучия, осуществление которого – в особенности в западных обществах – и является и задачей государства благосостояния.

Однако интеграция в современное общество перестала быть целостной. Ушли времена *сословного общества*, когда *jeunesse dorée* (золотая молодежь. – Прим. переводчика) на оперном балу презентировала и свое происхождение, и манеры, и образование. В подсистемах современного общества могут участвовать только «части» индивидов, их отдельные характеристики. Если сформулировать проблему социологически, в обществах, состоящих из специализированных функциональных систем⁶, таких как экономика, политика, право, здоровье и воспитание, речь идет о включении⁷, о доступе к подсистемам. Таким образом, под включением подразумевается участие индивидов в операциях/коммуникациях подсистем и в распределении их продуктов. Каким образом новоприбывшим удастся найти место работы с хорошим доходом и шансами карьерного роста, подходящее жилье? Как они получают доступ к учреждениям здравоохранения? Как они включены в пенсионное страхование и обеспечение старости? Как они получают права и возможности эффективно отстаивать свои интересы? И, не в последнюю очередь, как они или их дети достигают в рамках системы образования квалификаций, что, в свою очередь, определяет их дальнейшие жизненные шансы и индивидуальную карьеру?

Задача «новичков», оказавшихся таковыми то ли посредством рождения (*qua Generation*), то ли посредством пространственной мобильности (*qua Migration*), всегда одинакова. Они должны преодолеть *фильтры* доступа к функциональным системам общества. Особые же проблемы мигрантов, пытающихся получить доступ к социальным системам общества, вызваны институциональными причинами. Индивидам в обществах со сформированной социальной системой не обязательно полагаться только на самого себя. Задача социальных государств – не только уменьшить риски исключения (например, из-за нетрудоспособности и болезни), но и обеспечить «новичкам» постоянную поддержку в их попытках стать признанными участниками игры. Основания государства благосостояния, являющегося также налоговым государством, однако, довольно хрупки. В периоды кризисов, в ситуации увеличивающихся расходов и сокращающихся доходов становится нереализуемой его претензия на компенсацию индивидуальных рисков, теряют действительную силу и механизмы социальной защиты. Как раз в эти периоды государство благосостояния ищет способы сократить собственную ответственность. Сокращение социальных услуг и установление различия между теми, кто имеет право на них претендовать, и другими, а именно «чужими», являются одними из его излюбленных способов реагировать на сокращение ресурсов.

Системы социального обеспечения и поддержки до сих пор были организованы по принципу гражданства. Государство распределяет свои блага и услуги, в том числе и помощь по включению, только на тех, кто имеет право участвовать в политической системе – выбирать и быть избранным. Это условие лишает «чужих» (иностранцев) права на государственную поддержку. В этом отношении в Германии новички *qua Generation* принципиально привилегированны, а новички *qua Migration* принципиально обделены, так как им отказано в доступе к статусу гражданина и, соответственно, к социальным благам. Социальные государства и их пограничные службы не случайно устанавливают системы миграционного контроля. Таким образом они стараются предотвратить возникновение каких-либо претензий «не граждан» на государственную поддержку и помощь.

⁶ О теории функционально-дифференцированного общества см.: **Luhmann N.** Soziologische Aufklärung 4 – Beiträge zur funktionalen Differenzierung der Gesellschaft. Opladen, 1987 и Ders. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1997. Kap. 4.

⁷ Термин «включение» (Inclusion), в этой статье – доступ к подсистемам, введен в системной теории для того, чтобы подчеркнуть его связь с организационными формами систем, например государством. Он противопоставляется распространенному термину «интеграция» (Integration). Подробно о проблематике включения в (Inclusion in) и исключения из (Exclusion aus) подсистемы/подсистем общества, а также о способах «пользования» (Inanspruchnahme) индивидов социальными системами см.: **Stichweh R.** Inklusion in Funktionssysteme der modernen Gesellschaft // Renate Mayntz u.a. Differenzierung und Verselbständigung. Zur Entwicklung gesellschaftlicher Teilsysteme. Frankfurt; New York, 1988. S. 45–115; **Luhmann N.** Inklusion und Exklusion // Ders.: Soziologische Aufklärung 6. Opladen, 1989. S. 237–264; о роли социального государства в организации доступа к подсистемам – **Bommes M.** Migration und Ethnizität in nationalen Sozialstaaten // Zeitschrift für Soziologie. 23(1994) 5. S. 364–377.

Несмотря на попытки контролировать доступ «чужих» к социальным благам, по экономическим, правовым и техническим причинам демократические государства ограничены в возможностях полного запрещения миграции. В открытых, функционально-дифференцированных, зависимых от международного сотрудничества обществах тотальная самоизоляция невозможна как минимум по экономическим причинам, да и политически нежелательна. Национальное государство является в современных обществах единственной социальной системой, которая заинтересована в производстве национальных различий.

Доступ к социальному участию (Inklusionsangebote) (как для граждан, так и для иностранцев) открывают автономные подсистемы общества, например, экономика, организации здравоохранительной и образовательной систем, партии или семьи. Всем им безразлична национальность. Экономика заинтересована в дешевой рабочей силе. Предприниматели используют шансы, которые им предоставляют глобализация и интернационализация, и следуют своим интересам, а не ориентируются на ограничения, накладываемые фактом существования государственных границ. Экономическую рациональность предпринимательства не может игнорировать ни одно государство, так как его функционирование зависит от экономического роста и способности населения платить налоги. Медицинское страхование также заботится о своих клиентах безотносительно их гражданства. Здравоохранительная система обязана обслуживать больных независимо от их происхождения и статуса, потому что организована по принципу индивидуального страхования. Все, кто оплачивает страховку, обслуживается. Неприкосновенна в христианской Западной Европе и целостность семьи. Свобода выбора супруга входит в свод универсальных человеческих прав, по крайней мере в западном понимании индивидуальности. Семьи используются как преодолевающие границы сети. Родственные связи являются одним из каналов миграции и открывают доступ к социальному участию в принимающих странах.

Поскольку просто запретить въезд иностранцев невозможно, пограничные службы принимающей страны делят их на категории и раздают ограниченные права на пребывание, определяющие спектр социальных возможностей и притязаний. В Германии, которая до сих пор избегает использования категории «иммигрант» в качестве политического термина или юридического статуса, фактические мигранты снабжаются этикетками типа «гастарбайтер» («Gastarbeiter»), «член семьи» («Familienangehörige»), «беженец (гражданской войны)» ((Bürgerkriegs-) Flüchtlinge), «(поздний) переселенец» ((Spät-) Aussiedler), «ищущий политического убежища» («Asylbewerber») или «нелегал» («Illegale»). Кроме того, в Германии, организованной по федеративному принципу, права и возможные претензии мигрантов распределяются по инстанциям различных федеральных уровней (центр, земли и местное управление), которые ответственны за обеспечение определенного перечня прав как административно, так и финансово. «Гастарбайтеры» и «члены (их) семей» уже в силу миграционных причин включены в подсистемы «работа» и «семья»; а «переселенцы» («Aussiedler») символически включены в политическую систему и отнесены к «немецкому народу» («Volksgemeinschaft»). «Беженцы» и «ищущие убежища», пусть временно, но все же включены в политическую систему, но у них, как и у «переселенцев», нет гарантированного рабочего места; у «нелегалов» нет совершенно никакой возможности прикрепиться к соответствующей подсистеме принимающей страны. Иммигранты, как и государство, используют различные статусные категории иностранцев как «сообщающиеся сосуды»: если одна категория сужается, кандидаты на вступление в нее как бы вытесняются в другую (например, если шанс получить статус политического беженца снижается, увеличивается количество мигрантов, находящихся в Германии нелегально).

Перед теми, кто длительное время находится на территории страны, так или иначе встает задача включения в соответствующие подсистемы общества. В первую очередь, значение имеет доступ к *общей правовой системе*. Перед законом все равны. Этот постулат как минимум отражает идеологию хартии ООН о правах человека, принятую всеми государствами Европы. В правовом государстве соблюдение этого обязательства позволяет человеку, даже находящемуся на нелегальном положении, надеяться на рассмотрение дела в суде, на достойное обхождение и на обжалование решения. Даже если у истца нет никаких прав, правовое государство гарантирует ему сохранение минимального уровня материального и социального обеспечения.

Успешное включение мигрантов в социальные системы играет не последнюю роль в снижении нагрузки на социальное государство. В Германии права на социальную защиту реализуются на уровне городов и местного самоуправления. Города более других заинтересованы в разработке и внедрении эффективных мер оказания помощи по включению, потому что последствия исключения или неудавшегося включения (такие как безработица, квартирный вопрос и бедность) часто оборачиваются для них несравнимо большими издержками, чем для регионального и федерального уровней. Городские биржи труда, жилищные и социальные службы с их многочисленными вспомогательными программами для мигрантов,

а также детские сады, школы и учреждения дополнительного образования являются конкретными инструментами решения этих проблем.

Регулирование рынка труда может быть рассмотрено как ключевой инструмент по оказанию помощи по включению на федеральном уровне. Обладание рабочим местом решающим образом улучшает (или закрывает) возможности социального участия во многих других функциональных системах. В современных обществах только рынок труда открывает возможности потребления, а центральные системы социального, медицинского страхования, страхования безработицы, пенсионного обеспечения финансируются с вкладов, которые пополняются только в случае постоянного дохода. Поэтому практически все возможности участия зависят от каких бы то ни было трудовых отношений. Потеря рабочего места грозит падением по спирали стремительного исключения: без работы – без квартиры – без семьи – без пенсионного и медицинского страхования и т. д. В подобных случаях самореализующейся маргинализации в качестве последней инстанции включения выступает финансируемая налогами социальная помощь, которая распределяется на уровне местной власти и должна выплачиваться из ее бюджета – часто за счет других важных статей расхода.

При условии ограниченного количества рабочих мест на интернациональных рынках труда критерии доступа постоянно повышаются, быстро меняется и географическое положение рынков, ищущих для себя территории, жители которых готовы работать по более низким тарифам. Экспорт капитала и соответственно рынков труда приводит к безработице в индустриальных странах, что снижает налоговые поступления и взносы и увеличивает затраты на помощь ресурсно слабым категориям населения. В связи с этим ухудшается финансовая ситуация на уровне местного управления. Это стимулирует местные администрации прибегать к новым стратегиям включения, не принимая во внимание гражданский статус социально исключенных. Таким образом, местная власть часто вопреки национальным законам и идеологиям открывает мигрантам вторичный доступ к подсистемам. Города стараются как можно быстрее вывести социально слабых клиентов из-под своей опеки и включить их в систему стандартного страхования. Именно поэтому, например, попытка федерального центра остановить рост числа ищущих убежища (*Asylbewerber*) и беженцев, запретив им право на работу, не нашла поддержки на местном политическом уровне.

В повышении индивидуальных шансов включения играет роль и государственная система образования (*Erziehungssystem*). Ее главная задача заключается в том, чтобы обучить «новичков», а также (временно) исключенных правилам участия в соответствующих функциональных системах общества, в первую очередь в экономике и политике. Образовательная система предлагает общую помощь по включению, поскольку она обучает индивидов ролям, которые признаются значимыми и полезными. Она делает из индивидов «рабочих», «чиновников», «клиентов», «пациентов», «избирателей», «учеников», «студентов» и т. д. До сих пор условием обретения стабильной и хорошо оплачиваемой работы является наличие котируемой на рынке труда квалификации, которая в меритократически организованном обществе является высоко формализованной, должна быть закреплена образовательным сертификатом определенного вида. Успешное окончание школы хотя и не гарантирует профессиональный успех, но по-прежнему имеет значение для дальнейшего доступа к подсистемам и потому является предпосылкой социальной мобильности.

В систему образования включены все жители страны. Школьное образование в Германии является обязательным для *всех* детей соответствующего возраста. Право на школьное образование записано в своде прав человека и прав ребенка ЮНЕСКО. Именно потому, что формальное школьное образование и окончание квалифицирующего образовательного учреждения в современном обществе определяют все дальнейшие шансы участия, ни одному ребенку не должен быть закрыт доступ к образовательному учреждению.

Многочисленные ожидания, связанные с системой воспитания и образования, привели к тому, что в XX в. она стала одной из самых крупных общественных подсистем современного общества. Она обращена ко всем возрастным группам и претендует на то, что сможет справиться с проблемами социальной интеграции на протяжении всей жизни человека – от колыбели до смертного одра. Идет ли речь о социальных проблемах, о «дезинтеграции», будь то массовая безработица, потребление наркотиков, (подростковая) преступность, экстремизм, враждебное отношение к иностранцам и насилие, экологические проблемы, иммиграция и мультикультурализм, система образования предлагает себя в качестве интервенирующей инстанции. В работе с мигрантами от системы ожидается, с одной стороны, справедливое распределение образовательных сертификатов; с другой – изменение негативных установок и поведения местного населения по отношению к «чужим». Однако результаты работы образовательных структур часто оказываются плачевными. Во-первых, образовательные организации заинтересованы в ограничении своей ответственности за «выпускников-неудачников». Чтобы показывать достойные результаты, они сами вводят неформальные исключаяющие практики. Вследствие этого шансы на образование распределяются неравномерно. В Германии различие между немецким/не-немецким

учениками все еще имеет значение. Во-вторых, негативные установки по отношению к иностранцам не исчезают, а наоборот, расширяются их спектр и сфера влияния. К разочарованию педагогов, пропагандируемая с начала восьмидесятых годов политическая программа «межкультурного воспитания» не нашла распространения. Школьное обучение следует на практике все тем же моноязычному и монокультурному образцам.

Формы доступа к социальному участию Доступ к участию в современных обществах формируется в зависимости от устройства функциональных subsystem. Проблемы иммиграции и интеграции определяются поэтому не «обществом» или «государством». С точки зрения различных subsystem, могут возникать различные видения и описания этих проблем. Различным видениям проблем миграции соответствуют различные способы их решения, которые могут противоречить друг другу. В капиталистических демократиях среди subsystem необходимо различать в первую очередь *экономику* и *политику*. В них господствуют различные условия и правила участия, которые мы в дальнейшем анализируем. Подобный анализ может быть проведен и на примере других subsystem – образования, права, здравоохранения и т.д.

Доступ к рынку. Правила доступа иммигрантов к рынку родились вместе с историей трудовой миграции, начавшейся с привлечением рабочей силы. Как раз поскольку свободный рынок функционирует по принципу конкуренции, иммигранты имеют на нем особые преимущества. Их шансы доступа более высоки, поскольку они мобильны и по крайней мере временно готовы работать за низкую заработную плату. Преимущество это действительно по отношению к таким группам местного населения, чья позиция по степени мобильности, трудоспособности и готовности к отстаиванию своего положения довольно низка, т.е. по отношению к исключенным местным. Мигранты вытесняют с рынка труда и тех местных кандидатов, которые не готовы понизить свои требования к зарплате и не способны найти соответствующее их представлениям место работы. Включение мигрантов в рынок труда систематически и последовательно начинается с включения в нижний сегмент низкоквалифицированной работы. Однако низкооплачиваемый труд не закрывает для них возможности профессионального роста и дальнейшего доступа к центральным профессиональным позициям. Такая открытость экономики основана на принципе универсальности правил включения в систему, которые фокусированы исключительно на выгоду, а не национальность или гражданство.

Не экономика, а социальное государство ограничивает свободу доступа к рынку и дискриминирует людей, предлагающих рабочую силу, по национальному признаку. В социальном государстве рынки труда не открыты, а, будучи результатом политической борьбы за справедливое распределение благосостояния, «переданы во владение» социальной политике. Они «зарегулированы», «опутаны» правовыми нормами. Изначально такое государственное регулирование служило обузданию рыночного универсализма в защиту трудящихся и выравниванию неравенства в отношениях владения средствами производства и капитала. При нынешних условиях миграции регуляция рынка труда защищает социальные позиции местного населения, которому угрожает появление более «дешевых» мигрантов. Не только государство, но и действующие во всех странах и еще довольно влиятельные профсоюзы, на первый взгляд преданные интернационализму и антирасизму, заботятся в первую очередь об интересах местных жителей. Трудовые объединения нейтрализовали особые преимущества доступа мигрантов к рынку труда. Например, согласие союза немецких профсоюзов в Германии (DGB) на привлечение контрактных рабочих было связано с требованием публично-правового контроля Федеральной службы по труду (BfA) за соблюдением в отношении этих рабочих тарифных норм.

Однако, несмотря на регулирование рынка, он сегментировался вследствие миграции. Образовались так называемые гетто труда, в которых были заняты малооплачиваемые группы, преимущественно состоящие из мигрантов. Ведь мигранты приглашались на вакантные места, на которые в период полной занятости не было местных кандидатур. Это была прежде всего грязная работа и работа по сменам. После длительного периода структурной безработицы, когда многие малоквалифицированные позиции были сокращены и мигранты теряли рабочие места, наступили времена, более благоприятные для дешевой рабочей силы. Модные в настоящее время меры по дерегуляции рынков вновь повышают шансы мигрантов на доступ к рабочим местам. С учреждением европейского внутреннего рынка в Германии образовались экономические ниши, оплата в которых ниже тарифной сетки, например в строительной области. Попытки ЕС при помощи правовой нормы «оплаты занятых за границей» уменьшить возможности предприятий нанимать дешевую рабочую силу за рубежом, остаются малоэффективными.

Итак, мы можем наблюдать, что регулирование социальным государством рынков в пользу защиты социальных завоеваний рабочего движения служит привилегиям местных наемных работников и приводит

к дискриминации иммигрантов. Напротив, дерегулирование рынков открывает мигрантам шансы к участию.

Схожие механизмы действуют и при государственном регулировании безработицы. Ее риску подвержены и местное население, и мигранты. Но и здесь законы рынка «корректируются» государством. В трудовом законодательстве Федеративной Республики Германии существует статья о «привилегированном положении местных жителей». В случае конкуренции за рабочее место при одинаковом уровне квалификации в рамках государственной монополии на трудоустройство предпочтение отдается местному кандидату. Здесь очевидна прямая дискриминация, которая обязана не столько правилам функционирования рынка, сколько принципам социальной политики. Влияние социально-политического вмешательства на рынок парадоксально: пытаясь восстановить справедливость, социальное государство создает новое неравенство. Защищая граждан, государство вводит внеэкономические критерии доступа к рынку труда и тем самым распределяет привилегии не по достигательным, а по приписываемым критериям, например по национальности.

Совершенно открыты и поэтому «равнодушны к цвету кожи» рынки товаров потребления, а также денежные и финансовые рынки. Здесь доступ к участию регулируется при помощи денег: кто платит, кто обещает прибыль, будучи партнером по бизнесу/клиентом, тот и участвует. В этом секторе экономики не обращают внимания на происхождение. Например, при кредитовании сберегательные кассы интересуются не культурными особенностями своих клиентов, а их платежеспособностью. Исключения, однако, подтверждают правило. Даже на рынках товаров и услуг существуют сегменты, которые политизированы и зарегулированы. Вместо денег цена услуг устанавливается в политическом и этническом эквиваленте. Именно тогда становится возможной дискриминация. В Германии, например, в область политически регулируемых товаров вошло обязательное страхование автомобиля. Страховые компании попытались сконструировать особую тарифную группу риска – «иностранцы» («Ausländer») (аналогично тому, как частные кассы здравоохранения создают группу риска «женщины»), устанавливая для них особые тарифы⁸.

Для мигрантов важен и доступ к свободному рынку жилья. И здесь они, часто по причине своей слабой платежеспособности, должны принимать плохие и относительно дорогие предложения. Как и прочим группам населения с низким уровнем дохода, часто многодетным, им вообще сложно найти квартиру, которую они способны оплатить. На основании особенного характера такого товара, как жилплощадь, на рынке жилья действуют специфические законы. Так как людям необходима крыша над головой, они не могут отказаться от участия в этом рынке, даже если цены и предложение на нем не соответствуют их представлениям и возможностям. Поэтому цены не прямо регулируются спросом и имеют тенденцию к регулярному повышению. Чтобы противостоять этой закономерности, во всех социальных государствах существует строительство социального жилья и, соответственно, «второй рынок» жилья, на котором экономические интересы ограничены условиями, выставляемыми государственными инвесторами.

Социально-политическое вмешательство в свободный рынок жилья делает дискриминацию возможной. Хотя формально мигранты на рынке социального жилья имеют те же права, что и местные жители, при интерпретации законодательных правил распределения квартир администрации пользуются правовыми «дырами», неточностями и по-новому трактуют правила, различая «своих» и «чужих». Строительные компании, получающие субсидии государства на строительство социального жилья, пользуются при распределении квартир внутренними квотами, ограничивающими в жилых комплексах число иностранных семей. Специальные госпрограммы по строительству жилья для мигрантов отклоняются на том основании, что они препятствуют интеграции. Считается, что жилищные комплексы с большим процентом иностранцев являются очагами социальных проблем. Под давлением общественного мнения города отказываются строить новые дома для мигрантов и вытесняют их на свободный рынок жилья.

Доступ к политическому участию. Социально-политическое и правовое вмешательство в различные рынки, задуманное для защиты слабых, оказывается лазейкой для форм прямой и опосредованной институциональной дискриминации мигрантов. Дискриминация, чьими жертвами становятся мигранты, – эффект дифференцированного предоставления прав, которое, в свою очередь, урегулировано законодательно либо институционализировано и может практиковаться в обход существующих законов до тех пор, пока дискриминируемые не будут способны защищать себя. В современных демократиях предполагается, что шансы на защиту собственных интересов вырастают при доступе индивидов к политическому участию. А его обеспечивает институт гражданства. Гражданство в качестве правового института (а не в смысле активного участия в политическом действии) состоит по своей сущности в праве иметь права (Ханна Арендт), которое до сих пор могло быть гарантировано *только* национальными

⁸ Так как страхование автомобиля в Германии обязательно, вопрос о страховке превратился из экономической в правовую проблему, для которой, как и для всей общественно значимых проблем, действителен принцип равенства в публичной сфере и запрет на дискриминацию. Особые тарифы для иностранцев были оспорены судом и отменены.

государствами. Наряду с неотчуждаемыми правами человека, соблюдение которых до сих пор остается лишь моральным требованием, существует свод гражданских прав, который в европейских странах постепенно расширялся и, начиная с права голоса и политических свобод, стал охватывать права социального участия, составляющие суть современного европейского социального государства.

Относительно стабильные, независимые от влияния текущих политических интересов конституция и основные законы, а также независимые суды гарантируют гражданские и политические права. Обещанные социальные права оборачиваются, однако, для государства финансовыми издержками, которые должны ежегодно возмещаться налогоплательщиками. Поэтому социальные блага и привилегии являются постоянным предметом политических дискуссий о справедливом перераспределении, исход которых определен степенью организованности вовлеченных в дискуссию общественных групп и движений и их способностью отстаивать свои интересы.

В контексте иммиграционной проблематики возникает не только проблема *количества социальных прав и привилегий*, но и вопрос о том, *какие* группы населения и по каким критериям могут быть этих прав лишены. На языке права проблема распределения социальных благ операционализируется вопросом о том, *как долго* может длиться отлучение иммигрантов от социальных прав и как вообще можно лишить проживающих на территории страны не граждан элементарных правовых гарантий. Решающим при этом является вопрос, при каких условиях иммигранты могут получить право въезда на территорию, а позднее и право на постоянное проживание. При сравнении европейских правовых традиций обычно указывают на разницу между *ius soli* (принципом рождения) *ius sanguinis* (принципом происхождения), которая приводит к различной практике натурализации мигрантов и, соответственно, различным практикам отказа в гражданстве. Влияние этих двух правовых традиций заметно, однако, только в вопросе о возможностях политического участия – активного и пассивного избирательного права, являющегося квинтэссенцией полноценного гражданства.

В Германии закон об иностранцах и закон о гражданстве сформулированы в традиции и логике *ius sanguinis*. Фактически основной закон 1949 года при перечислении прав отличает права человека и права граждан Германии – немцев. Там же говорится и о «немецком народе». Согласно комментарию Федерального конституционного суда, под народом подразумевается нечто иное, чем население, проживающее на территории Федеративной Республики. Отрицательное решение немецкого конституционного суда о возможности муниципального избирательного права для иностранцев было аргументировано, например, тем, что «народ» в определении Конституции означает выросший из общеразделяемого происхождения *этноса (ethnos)* и он не идентичен «населению», проживающему на территории (*demos*). До сих пор происхождение является практически единственным основанием доступа к немецкому гражданству. Гражданином становится не тот, кто родился и вырос в Германии, а тот у кого по крайней мере один из родителей имеет немецкое *происхождение*. Такое понимание рождает феномен «иностранцев в третьем поколении». Вследствие идеологического отношения к принципу происхождения и отказа в автоматическом присвоении гражданства рожденным в Федеративной Республике⁹ число живущих в Германии «местных иностранцев» растет экспоненциально. В то время как меньше чем одному проценту мигрантов с иностранным паспортом удалось пройти сложную процедуру принятия гражданства, «проблема иностранцев»¹⁰ росла год за годом, по крайней мере в статистике.

До сих пор по идеологическим причинам Федеративная Республика Германии усложняет предоставление всех гражданских прав иностранцам, но, как все европейские страны, работает с правовыми конструкциями, обеспечивающими их длительное пребывание без гражданского статуса. Правовой статус «постоянное место жительства» все же гарантирует доступ к большинству социальных и культурных прав и возможностей. Такая правовая конструкция отвечает прагматической необходимости «работать с иностранцами» на местах, в городах, администрации которых должны заботиться о достойном существовании своих жителей.

Поэтому, например, измененный в 1990 г. «закон об иностранцах» имеет по отношению к уже проживающим на территории Германии иностранцам совсем не идеологические установки, он пытается точнее определить их правовой статус и повысить степень их правовой и административной

⁹ Дети иностранцев, родившиеся и выросшие на территории Германии, должны, согласно поправкам закона о гражданстве 2000 г., заявить об желании принять гражданство ФРГ. В противном случае их гражданский статус и права пребывания в Германии приравниваются статусу их родителей. В этом смысле родившимся на территории Германии «иностранцам» гражданство присваивается не автоматически. Однако это не означает, что получение гражданства для рожденных на территории Германии является сложной процедурой. Достаточно лишь одного устного или письменного заявления. Более того, «коренные иностранцы» имеют не просто шанс получения, а индивидуальное право на гражданский статус и могут оспорить на его основании любой отказ администрации о выдаче немецкого паспорта.

¹⁰ Предоставление гражданства персонам, не имеющим немецкого происхождения и не родившимся на территории Германии, остается исключением, которое до сих пор осуществлялось только тогда, если оно было в интересах Федеративной Республики и не являлось правом подателя заявления.

защищенности. Несмотря на отсутствие гражданского статуса, проживающие на территории страны иммигранты, имеющие легальный заработок и платящие налоги, получают статус, который открывает им доступ к большинству основополагающих прав и гарантий. Ограничены лишь их права политического участия. Кроме того, они не имеют права работать в государственных учреждениях¹¹.

Фактическое предоставление иностранцам социальных прав, но исключение их из союза граждан означает, что функция ужесточения доступа мигрантов к гражданскому статусу заключается не в заботе о государственном бюджете, а в том, чтобы закрепить маргинальность категории «чужого», иметь возможность объяснения существующих в обществе проблем присутствием «чужих», сохранить иллюзию государственного регулирования миграции и контроля над критериями доступа к правам. Одновременно с этим особый статус иностранца становится разрешительным сигналом для дискриминации во всех институциональных и повседневных взаимодействиях, ресурсом стигматизации в школах, на дискотеках, в министерстве финансов, в метро.

Дилемма социального государства и его склонность к мультикультурализму

Пришло время уделить внимание дилемме социального государства западно-европейского типа. Отказ в некоторых правах проживающим на территории мигрантам и одновременно претензия социального демократического государства на обеспечение справедливости и равенства находятся в очевидном противоречии. Это противоречие, в конце концов, подрывает политически-нормативную основу республики. Речь идет о настоящей дилемме: ни одно государство социального благосостояния не может отказаться от исключения иностранцев, не подвергая при этом опасности благосостояние собственного населения или его социальную интеграцию. В этом отношении обращение с иммиграцией оказывается более простым для тех национальных государств, которые или не знают социальных прав, или обеспечивают их в ограниченном объеме. Чем меньше претензий имеет гражданин к государству и, напротив, чем меньше обязательств имеет государство по отношению к гражданину, тем равнодушнее политическая система к миграции. И наоборот, развитые социальные государства с целью сохранения социальных прав как таковых должны ограждать себя от миграции.

Политика европейских национальных государств по отношению к нежелательной иммиграции преследует двойную стратегию. Необходимо различать правовое и политическое обращение с теми мигрантами, которые уже проживают на территории страны и чей доступ к социальному участию уже является темой политики, и политику по отношению к тем, кто только хочет въехать в страну. Политика европейских «не-иммиграционных стран» отличается кардинально от политики, например, США по отношению к этим двум группам мигрантов. В то время как в отношении к представителям первой группы *социальные* государства Европы (хотя и с ограниченным успехом) предпринимают усилия по их включению в социальные системы, при этом не различая местных жителей и вновь прибывших (тем самым все более привлекая бедных мигрантов), они создают новые препятствия для иммиграции извне ЕС. Европа, находящаяся в выигрышном положении внутри мирового экономического порядка, не желает становиться «глобальной социальной службой».

Совершенно иной опыт имеет США. Там менее развит принцип социального государства и уровень индивидуальный претензий по отношению к государству не велик. До сих пор границы США были относительно открыты, потому что нелегально прибывшие в страну мигранты не попадали в сферу государственной заботы. Государство не было обязано предлагать им помощь по интеграции. Доступ к участию в системе открыт в рамках рыночного принципа, каждый ответствен сам за себя. Стратегия «раскованного» обращения с миграцией не накладна, но имеет значительные (в том числе и финансовые) последствия для внутривнутриполитической и социальной стабильности или, с точки зрения привилегированных, – для внутренней безопасности страны. Мне представляется, что она оплачивается социальной дезинтеграцией и моральным распадом американского общества, а также увеличивающейся аномией.

Американские эксперты по миграции рекомендуют в качестве альтернативы европейскую модель, Европа же кивает на Америку¹². Ввиду растущей иммиграции в рамках права на воссоединение семей, а в последние годы и ввиду увеличившегося числа ищущих политического убежища из Юго-Восточной Европы, политика «безмолвной интеграции», проводимая социальными государствами Европы,

¹¹ Немецкое право отличает институт «чиновников» («Beamten»), которые заняты на почте, железной дороге, в полиции, а также в школе. Государство предоставляет им особые «суверенные права» («Hoheitsrechte»). Они же, в свою очередь, клянутся в верности государству. В такое особое отношение с государством могут быть включены только немецкие граждане.

¹² Ср.: сообщение Urban Institute в Вашингтоне, в котором американскому правительству были предложены на обдумывание возможные варианты активной интеграционной политики по европейскому образцу, ср.: The Urban Institute (W.N. Zimmermann, Ch.A. Calhoun). *Immigrant Policies in Western Europe*. Washington D.C., 1991.

постепенно уступила место стратегии сокращения социально-государственных мер по помощи находящимся на территории этих стран мигрантам, демонстративному обеспечению благами исключительно коренного населения и выдумыванию все новых идеологий, выставляющих нежелательных иммигрантов как «бедствие».

С моей точки зрения, эта стратегия не даст результатов. И без того в социальном государстве существует непрямая зависимость между гражданством и предоставлением социальных прав тем, кто каким-то образом приобрел право постоянного пребывания, которое действует в качестве как-будто-гражданства (*Als-ob-Staatsbürgerschaft*). Там, где включению в социальное государственное обеспечение не сопутствует предоставление гражданских прав, возникает институциональная дискриминация, которая основывается не на предрассудках, а на рациональном расчете и поддерживается не «отбросами общества», а самой его серединой, самой политической системой. Мнимая польза для социального бюджета покупается нарушением фундаментального принципа равенства. Это не только вредит мигрантам, но и отнимает у общества способность к интеграции, ослабляет его моральную целостность. Таким образом, государство становится соучастником повседневной дискриминации. Практика отказа в гражданстве не имеет видимого влияния на фактические миграционные потоки, но создает население второго и третьего класса – парий, как сформулировала Ханна Арендт. Эффекты различных практик касаются не только конкретно ситуации отдельного мигранта, они оказывают глубинное влияние на политический и социальный климат в стране.

Параллельно с укреплением оснований для открытой институциональной дискриминации в действие вступает дискуссия о «мультикультурном обществе». В Германии мультикультурализм в своей доминирующей версии представляется как *народно-педагогическая программа*. Под «мультикультурализмом» здесь я понимаю то идеологическое движение в политике и педагогике, которое предлагает современному обществу новую, культуральную интерпретацию неравенства. Спектр сторонников мультикультурализма простирается от неоконсервативных политиков до партии зеленых, от представителей церкви и профсоюзов до союзов работодателей. Существуют различные токования мультикультурализма, но каждое из них направлено на то, чтобы решить дилемму социального государства, которое обещает равенство для всех и одновременно исключает мигрантов из сообщества равных, через символическое признание разнообразия и равноправия «культур». Любая критика мультикультурализма «приструняется» демонстративно-показательной преданностью его сторонников идеям гуманизма и просвещения. Критики безусловно подозреваются во враждебности просвещению и антигуманизме.

В своем педагогическом варианте мультикультурализм приучает людей к объяснению всяческого неравенства культурными различиями. Новые реальности многонациональной республики следует уважать, как минимум, терпеть, а по возможности и считать обогащением. Во Франкфурте с этой целью учредили особую службу, которая должна оповещать городскую общественность о новой действительности мультикультурализма. Инвентаризировав имеющиеся в городе «культуры», служба обратилась с просьбой к городскому населению прекратить нападать на бесправных париев. В области школьной и социальной педагогики возник особый комплекс обслуживания, который в профилактических целях навязывает «межкультурное воспитание» в детских садах и школах.

«Мультикультуралисты» претендуют на понимание всего общества. Они пытаются добиться своего толкования ситуации. По их мнению, с интернационализацией рынков фикция национальной гомогенности окончательно умерла и культурное многообразие стало необходимым признаком современного общества. Они считают, что против предрассудков нужно бороться просвещением, необходимо разучить новые, соответствующие времени формы обращения с носителями других культур. Заведующий мультикультуральными вопросами во Франкфурте Даниель Кон-Бендит привел свое стремление в борьбе против дискриминации и расизма к простому общему знаменателю: «Существуют такие вещи, которые делать просто неприлично». Цель мультикультуралистов – новая городская культура многообразия, которая «научилась переваривать различия» (Cohn-Bendit). Планируется новая урбанизация, в которой не обойтись без конфликтов. Но их урегулирование должно быть цивилизованно в русле плюралистического общества, обязующегося соблюдать принцип равноправия и признания человеческого достоинства.

Мультикультуральная воспитательная программа является *социальной техникой* регулирования проблемы, которую создало государство. Мультикультурализм в педагогике нацелен на предотвращение дезинтеграции общества, возникшей на искусственно созданном разделении шансов доступа к социальному участию. Мультикультурализм пытается устранить этнические конфликты, считающиеся острой социальной проблемой девяностых годов; обезвредить взрывоопасных маргиналов, появляющиеся на окраинах городов молодежные банды, правых радикалов и националистов. Там, где городская полиция и социальные работники не способны сгладить конфликты, мультикультуральная педагогика пытается смягчить их при помощи коммуникации, аргументов и уговоров. На смену правовым и финансовым мерам

приходит «коммуникация», которая презентуется мультикультурализмом как один из наиболее эффективных средств влияния на социальные процессы. Кроткая власть морали снова обретает силу. Коммуникация именно тогда приходит на помощь политике, когда исчерпываются регулирующие возможности денег и права. Когда невозможно политическое действие, действенной становится идеология.

Социальное государство, демонстрируя свою способность действовать и управлять, представляет мигрантов в качестве неправомерных пользователей социальных благ, а миграцию как ограничение собственного суверенитета. Приспособление индустриальных обществ к изменяющемуся мировому рынку, переход к постиндустриальным формам производства и потребления, экономика без экономического прироста и высокая цокольная безработица даже в фазы благоприятной конъюнктуры презентуются социальным государством как неизбежная и болезненная трансформация, которая будет только усложнена *нежелательной* миграцией с ее культурным и этническим измерением. Классическое перенесение проблемы в сферу культуры работает, рассчитывая на вековую мыслительную традицию европоцентризма и на соответствующие ей психические структуры враждебного отношения к чужакам.

Этническая драматизация и осозанный (само)обман готовят, однако, новые проблемы для политической системы. Если до сих пор инструментарий социального государства, пусть недостаточный, использовался согласно назначению – для облегчения доступа к социальному участию и политического урегулирования социальных конфликтов (при этом доступ ко многим товарам и услугам регулировался согласно компенсационному принципу), то политика исключения по национальным/этническим критериям делает центральным принцип дезинтеграции, при котором социальные противоречия не компенсируются, а производятся и обостряются государством. Социальное государство становится не «миротворцем», а источником социального отвержения. Оно, следуя логике экономической рентабельности, вводит в политику национальные/этнические различия, урезает права и привилегии и *этнизирует* проблему справедливости. Неосознанно коммуникация о «мультикультурном обществе» усиливает эту тенденцию. Обхождение государства с миграцией и мигрантами затрагивает центральную область демократического самопонимания – постулат равенства и солидарности. Правовая и институциональная дискриминация, исходящая из политического центра, рождает новые волны негативного отношения к иностранцам, которые распространяются на бюрократические учреждения и полицейские участки и, усиленные средствами массовой информации, доходят до «границы общества» уже в качестве насильственных нападений, поджогов и погромов.

Пер. с нем. М.Кудрявцевой.